

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА В РОССИИ:
ПУТЬ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ
И УГРОЗЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА***

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена истории введения в России судебных уставов 1864 г. Анализируются причины проведения судебной реформы, новые принципы судопроизводства, структура новых судебных учреждений России. Дается оценка значения и последствий проведения судебной реформы 1864 г., включая усиление революционного террора.*

Ключевые слова: *Россия, судебная реформа 1864 г., новые принципы судопроизводства, структура судебных учреждений, революционный террор.*

Abstract: *the article is devoted to the history of Law Statutes of 1864 in Russia. The author analyses the historical reasons of Judicial reforms in Imperial Russia, as well as new principals of Justice system in Russia after Liberation of serfs are discussed. The problems of the origin of the revolutionary terror are included.*

Key words: *Russia, Judicial reforms of 1864, new principals of Justice system, structure of Law institutions, revolutionary terror.*

Начало царствования Александра II ознаменовалось целым комплексом крупнейших преобразований, получивших в историографии прочную репутацию капитальной перестройки общественно-политической жизни России. Освобождение крестьян от личной зависимости нанесло сильнейший удар по сложившейся за несколько веков системе общественных связей и методов управления. Более того, отмена крепостного права неизбежно вела к радикальному изменению характера исторического развития России. Начался беспрецедентный для нашей страны процесс либерализации экономических, социальных и культурных отношений. Скоро выяснилось, что этот процесс связан не только с несомненными успехами в области экономики, транспорта или просвещения, но и с большими рисками в общественно-политических отношениях и даже в самой судьбе громадной империи.

Для понимания сути российского крепостничества моральных оценок недостаточно. С исторической точки зрения крепостное право не было ни плохим, ни хорошим. На определенном этапе развития страны оно оказалось необходимым, но к середине XIX в. стало ясно, что его господство является важнейшей

преградой для модернизации общественного и административного строя. Закрепление миллионов крестьян позволило самодержавному государству сосредоточить в своих руках ресурсы, необходимые для строительства и укрепления расширявшейся империи. Нельзя забывать при этом, что крепостное право, формально говоря, было определенным типом *права*, к его особенностям успели за несколько веков привыкнуть как отечественные государственные учреждения, так и русское общество.

Появление после 19 февраля 1861 г. многих миллионов «свободных сельских обывателей» (такой формально-юридический статус приобретали бывшие крепостные крестьяне) с определенными имущественными и гражданскими правами вызвало необходимость пересмотреть и радикально перестроить всю систему судопроизводства. Принято считать, что до освобождения крестьян у их владельцев-дворян были одни лишь привилегии. Но положение было куда более сложным. Изменение правовой ситуации определялось в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Статья 9 этого законодательного акта гласила: «По введении в действие настоящего Положения слагаются с помещиков: 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян; 2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей; 3) обязанность

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-01-00351.

© Карпачев М. Д., 2014

ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным... и 4) ответственность за них во всех казенных взысканиях как-то: штрафах, пошлинах и проч.»). Следующая статья 10 все эти обязанности возлагала теперь на самих крестьян [1, с. 41]. С формально-юридической точки зрения освобождение было взаимным. Крестьяне освобождались от крепостной зависимости, а помещики от опекунских и управленческих забот.

Такое обоюдное освобождение создавало в стране совершенно иной правовой климат. При крепостном праве крестьянин вместе со своим имуществом являлся собственностью помещика. Говоря юридическим языком, крестьянин был объектом права, а помещик по личному усмотрению регулировал взаимоотношения в крестьянской среде, чинил суд и расправу. Причем с точки зрения верховной власти он по закону был обязан это делать. После Манифеста переставший быть крепостным крестьянин становился субъектом права: он мог с этого времени приобретать собственность, распоряжаться ею, заниматься любой законной хозяйственной деятельностью. Получал крестьянин и некоторые другие гражданские права. Возникла качественно иная система правоотношений. Для ее функционирования требовались новые принципы судопроизводства и судебные учреждения. Без судебной реформы была невозможна успешная реализация крестьянского освобождения.

Однако новые судебные установления вводились не только для крестьян. Без них было абсолютно невозможно обеспечить успех общего курса верховной власти на системную модернизацию России. Дело в том, что с помощью выкупной операции правительственные чиновники планировали образование в России значительного рынка земельной собственности. Предполагалось также, что крестьянское освобождение откроет путь к росту отечественного предпринимательства. Новые социально-экономические процессы нуждались в соответствующем юридическом обеспечении. Права собственности должны быть гарантированы, без этого нельзя было рассчитывать на экономические успехи свободного предпринимательства. Подчеркивая это обстоятельство, один из творцов судебной реформы статс-секретарь Государственного Совета С. И. Зарудный писал: «Если бы в 1861 году не было, не состоялось освобождение крестьян с землею, то ни в каком случае не было бы и судебной реформы... Сначала у нас были рабы, подлые люди... Они сделались простыми людьми..., им нужен суд, скорый и необходимый» [2, с. 178].

В крепостную эпоху такого «скорого и необходимого» суда в России не было. Дореформенная судебная система никак не соответствовала нормам совре-

менного европейского права. В то время правосудие вершили, прежде всего, уездные суды, входившие в состав местной коронной администрации и всецело состоявшие под контролем местного дворянского собрания. Роль второй инстанции играли отдельные палаты уголовного и гражданского суда, а Правительствующий Сенат выполнял функции высшего контрольного и апелляционного учреждения. Кроме общих судебных учреждений, существовало множество специальных судов: духовных, сословных, военных, коммерческих, горных. Характерной особенностью дореформенного правосудия являлось то, что любое судебное решение могло быть изменено по высочайшему повелению царя. При неограниченном самодержавии священная воля монарха являлась источником легитимности и уже поэтому была выше формальной законности. Высшим достоинством отечественного правосудия, полагали идеологи самодержавия, является опора на «правду внутреннюю», христианские добродетели и справедливость монаршей воли, а не на «правду внешнюю», расписанную в кодексах, инструкциях, уложениях или в иных формальных источниках. Господство «правды внешней» считалось особенностью европейского, а не русского исторического процесса.

Однако даже консервативные идеологи к середине XIX столетия вынуждены были признать, что крепостническая система правосудия страдает тяжелыми пороками. Старый суд по существу являлся частью авторитарной бюрократической системы. Губернаторы имели право приостанавливать исполнение судебных решений и добиваться пересмотра неугодных им судебных постановлений. В уголовном судопроизводстве сохранялся фактически средневековый инквизиционный следственный процесс, при котором признание вины играло решающую роль в судьбе обвиняемого. Рассмотрение дел велось сугубо канцелярским закрытым путем. Предварительное расследование правонарушений осуществлялось полицией фактически бесконтрольно, при этом права лиц низших сословий никак не ограждались. В уездном суде и в палатах приговоры выносились без прений сторон, на основе чисто формальной системы доказательств. Если улики не хватало, широко практиковалось оставление обвиняемого «в подозрении» иногда на многие годы. А это влекло за собой фактически произвольные, но вполне серьезные ограничения в правах. Судьи назначались на свои должности только бюрократическим путем, при этом никакого образовательного ценза от них не требовалось. При занятии вакантных должностей в судебной системе решающее значение имели происхождение кандидата и лояльное отношение вышестоящей администрации.

Жалование судейских работников было ничтожное. Ни для кого не было секретом, что основной

доход они получали неофициальным путем. Взятничество в судебной системе приобрело повальный, почти обыденный характер. Дело доходило до того, что даже генерал-губернаторы и сам министр юстиции В. Н. Панин вынуждены были давать взятки судебным служащим, т.е., по сути, дела своим подчиненным. Следственный и судебный произвол опирались на неупорядоченность нормативной базы. Громоздкие собрания законов содержали множество противоречивших друг другу правовых норм, отсутствие же современных кодексов открывало путь к произвольному толкованию судебных дел. Ни о каком равенстве российских подданных перед законом не могло быть речи. «Старый суд! – вспоминал видный публицист славянофил И. С. Аксаков. – При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!..» [3, с. XV].

Поражение России в Крымской войне и начало царствования Александра II сопровождались беспрецедентной для русского общества гласностью при обличении пороков николаевского режима. На всю страну тревожным набатом прозвучали стихи популярного в те годы идеолога славянофильства А. С. Хомякова. Патетически обращаясь к России, он восклицал:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна! [4, с. 20]

Столь горькое и откровенное признание публициста-патриота свидетельствовало о тяжелом кризисе отечественного правосудия. Реформаторам из окружения Александра II было ясно, что без крупной судебной реформы нельзя было обеспечить достижения конечных целей принятой программы преобразований и выведения России на путь ускоренного экономического и культурного развития.

О необходимости коренного изменения судебной системы сторонники реформ заговорили уже вскоре после воцарения Александра II. Как и во многих других нововведениях той поры, особая роль здесь принадлежала брату царя великому князю Константину Николаевичу. Возглавляя в середине 1850-х гг. морское ведомство, великий князь поначалу решил реорганизовать правосудие во флотских подразделениях. По его инициативе в 1857 г. был создан особый комитет для пересмотра свода морских уголовных постановлений. Члены этого комитета развернули подготовку реформы судопроизводства и судоустройства в российском морском флоте. Однако скоро группировавшиеся вокруг великого князя

образованные чиновники пришли к выводу о невозможности создать очаг цивилизованного правосудия в одном отдельном ведомстве. Активный участник дискуссий того времени князь Д. А. Оболенский в своем заключении для Государственного Совета в январе 1858 г. писал: «Преобразование судебной части в России не может быть отложено, от этого преобразования зависит успех улучшения по другим частям государственного управления. Если отсутствие дорог и вообще хороших путей сообщения было до сих пор камнем преткновения для развития материальных сил России, то отсутствие суда было и есть до сих пор непреодолимое препятствие, уничтожающее и делающее бесплодным все попытки правительства к внутреннему устройству России, улучшению администрации, развитию торговли и промышленности, улучшению нравственности и, наконец, вопрос об определении правильных отношений крестьян к помещикам остается неразрешенным на практике, пока посредствующая власть между сими двумя сословиями, т.е. суд, не получит у нас хоть какую-нибудь правильную организацию» [2, с. 72].

Мнение Д. А. Оболенского полностью разделяли великий князь Константин Николаевич и его помощники. Однако как установить правильный суд, было еще не вполне ясно. Одна группа советников настаивала на совершенствовании судопроизводства исходя из опоры на отечественные традиции государственной и правовой жизни, другая же считала, что подлинная модернизация правовой системы была возможна лишь на основе переноса на русскую почву лучших и проверенных опытом образцов европейского судоустройства. Поскольку высшие сферы администрации во главе с самим императором были склонны поддержать идеи радикального обновления, постольку инициатива, в конце концов, перешла к сторонникам европеизации русского правосудия.

Весной 1858 г. лидер юристов-реформаторов С. И. Зарудный вместе с группой единомышленников отправился за границу с целью более тесного знакомства с порядком судопроизводства в наиболее развитых (в правовом отношении) странах Западной Европы. За время поездки статс-секретарь и его друзья внимательно изучили судебные системы Франции, Швейцарии, Италии, Англии и некоторых других государств. Сравнительное изучение правосудия европейских стран окончательно убедило С. И. Зарудного, что при реформировании российской судебной системы невозможно опираться на отечественный исторический фундамент. Если цель модернизации заключалась в сохранении за Россией места среди великих держав цивилизованного мира, то основополагающие принципы отечественного судоустройства,

полагал С. И. Зарудный, не должны отличаться от европейских. Он был убежден, что другой логики мировая юридическая наука иметь не могла.

После возвращения в Россию Зарудный и его коллеги принялись за дело. Их первым серьезным достижением надо признать преобразование следственного дела. Молодыми юристами был подготовлен план исключения из обязанностей полиции расследования таких правонарушений, рассматривать которые должны были судебные учреждения. Иначе говоря, досудебное расследование преступлений изымалось из ведения полиции и передавалось судам. Указ о реформе полиции и о преобразовании следственной части Александр II подписал 8 июня 1860 г. В соответствии с ним в стране создавался институт участковых судебных следователей при уездных судах. Назначение на эти должности осуществлял министр юстиции по представлению губернаторов. Кандидаты в судебные следователи должны были иметь высшее или среднее образование, обладать административным или управленческим опытом и отличаться добросовестностью. Подчинялись судебные следователи только министерству юстиции и выводились из-под непосредственного контроля местной администрации. Таким образом, был сделан первый шаг по созданию самостоятельного, не зависящего от полиции судебно-следственного аппарата.

Провозглашение Манифеста 19 февраля 1861 г. придало процессу подготовки судебной реформы решающее ускорение. В октябре того же года император Александр II распорядился создать комиссию для окончательной подготовки соответствующего законопроекта. В состав комиссии, руководить которой был назначен государственный секретарь В. П. Бутков, была включена группа талантливых знатоков юриспруденции: И. И. Столповский, Н. А. Буцковский, профессор К. П. Победоносцев (впоследствии ставший убежденным консерваторм, в 1880–1905 гг. занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода) и Д. А. Ровинский. Фактически же организатором работ на завершающем этапе подготовки реформы являлся С. И. Зарудный. В январе 1862 г. комиссия, опиравшаяся на благосклонное расположение к ней императора, приняла решение разработать совершенно новую систему российского судопроизводства.

Напряженная работа продвигалась быстро, и 20 ноября 1864 г. Александр II подписал указ о введении в действие новых судебных уставов, открывающий новую эпоху в истории российского правосудия. Новый законодательный акт состоял из четырех частей: 1) устава гражданского судопроизводства; 2) устава уголовного судопроизводства; 3) устава о судебных местах (или учреждения судебных установлений);

4) устава, регулировавшего деятельность вновь учреждаемых мировых судов.

Проведение в жизнь новых уставов означало, что в России вводилась оригинальная, при этом цивилизованная система правосудия. Она состояла из двух частей: суда коронного (или общего) и мирового. Руководство обеими частями возлагалось на Правительствующий Сенат, фактически принявший на себя роль Верховного суда Российской империи. Мировой суд создавался для быстрого разбора самой многочисленной группы дел – мелких имущественных споров и незначительных правонарушений, не подпадавших под определение уголовных преступлений.

Все уголовные дела и крупные гражданские иски ставились под юрисдикцию общего или коронного суда. Его первая инстанция – окружной суд, а вторая – судебная палата. Высшей кассационной инстанцией являлся Сенат, который в случае установления процедурных нарушений мог вернуть дело на повторное рассмотрение с другим составом окружного суда. Однако, осуществляя общий надзор над судебной системой, Правительствующий Сенат мог принять дела по особо тяжким государственным преступлениям в качестве суда первой инстанции. Например, членов партии «Народная воля», участвовавших в организации царевубийства 1 марта 1881 г., судило Особое присутствие Правительствующего Сената.

В связи с учреждением окружных судов территория Российской империи делилась на судебные округа. В большинстве губерний был один судебный округ, в более крупных – два. Например, на территории Воронежской губернии были образованы Воронежский и Острогожский окружные суды. В большой по численности населения Московской губернии было создано даже четыре судебных округа. В округа судебных палат, как правило, входила территория нескольких смежных губерний. В конце XIX в. в России действовало 107 окружных судов, работа которых контролировалась и направлялась 14 судебными палатами. Например, Воронежский и Острогожский окружные суды входили в состав Харьковской судебной палаты. Создавалась, таким образом, довольно стройная, а главное, отдельная от исполнительной власти структура судебных учреждений.

Исключительно важной стороной реформы стало провозглашение новых цивилизованных принципов судопроизводства. Уставами 1864 г. вводилась независимость и бессловность суда, равенство всех подданных перед законом, состязательность сторон в судебном процессе, его публичность и гласность.

Понятно, что прежде всего независимость суда обеспечивалась его отделением от губернской и даже

правительственной администрации. Но не только. Еще более существенное значение имело введение принципа пожизненной несменяемости судебных должностей. Все председатели и члены окружных судов, председатели и члены судебных палат, члены Правительствующего Сената (сенаторы) стали обладать иммунитетом пожизненной несменяемости. Кандидаты на все перечисленные должности представлялись министром юстиции императору, затем назначались царским указом, после чего не могли быть никем уволены или переведены на другую должность без их согласия. Расстаться с судебной должностью в системе коронного суда можно было либо добровольно, либо в случае потери физической возможности, либо по приговору суда.

Для назначения на несменяемую судебную должность необходимо было иметь высшее юридическое образование и стаж работы в суде или прокуратуре не менее трех лет. Поскольку даже император отныне не мог отрешить от перечисленных должностей ставших неугодными лиц, постольку можно сказать, что неограниченность самодержавия была серьезно поколеблена. Важно подчеркнуть также, что независимость судебных мест обеспечивалась и весьма высоким размером жалованья. Прежние малообразованные судьи увольнялись в отставку. Новые судебные уставы распространили принцип пожизненной несменяемости и на учрежденные еще в 1860 г. должности участковых судебных следователей, включенных с 1864 г. в состав окружных судов.

Важнейшим нововведением, усилившим независимость новой судебной системы, стало учреждение института присяжных заседателей при рассмотрении всех без исключения уголовных дел в окружных судах. На судебное заседание с участием присяжных заседателей выносились дела о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения прав состояния, а также каторжных работ, ссылки или заключения в тюрьму. Наказание в виде смертной казни было предусмотрено лишь за особо опасные государственные преступления.

Присяжные заседатели не были профессиональными юристами. Они должны были представлять в судебном процессе так называемый суд общественной совести. Уставы определяли, что присяжными заседателями могли быть только мужчины в возрасте от 25 до 70 лет, подданные Российской империи, не менее двух лет проживающие в данной местности. Не могли быть присяжными заседателями лица, состоявшие под судом и следствием, слепые, глухие (ввиду физической неспособности к полноценному участию в судебных прениях), умалишенные, объявленные несостоятельными должниками, впавшие в крайнюю бедность, домашняя прислуга. Не подлежали включению в число присяжных заседателей свя-

щеннослужители и монахи, чиновники полиции, военнослужащие, лица, имевшие генеральские чины по табели о рангах, а также работники еще некоторых профессий.

Все жители уездов и городов, обладавшие необходимыми условиями, специальными комиссиями при местных органах самоуправления (уездных управах и городских думах) включались в общие списки присяжных заседателей. На их основе составлялись очередные списки, которые публиковались в местных газетах. В очередной список включались лица, подлежащие призыву в окружной суд в течение ближайшего года. В крупных городах в такие списки вносилось до тысячи человек и даже более, в уездах и небольших городах – от 300 до 400. Никого нельзя было призвать к участию в процессе чаще одного раза в два года. Но и уклониться от обязанностей присяжного заседателя без уважительных причин было нельзя. В противном случае приглашенный из списка мог быть оштрафован, а в случае неоднократного нарушения своего гражданского долга даже подвергнут аресту. К открытию назначенного судебного заседания вызывались 30 человек из очереди. Обвиняемые и обвинители имели право на отвод по 6 человек из них, из оставшихся 18 председатель суда отбирал 12 основных и 2 запасных участников процесса.

Роль присяжных заседателей в процессах по уголовным делам была очень важной, нередко даже определяющей. На основании голоса своей совести или нравственной позиции, а не только формальных доказательств, они должны были ответить в конце заседания на два ключевых вопроса: 1) было ли в действительности событие, послужившее основанием к обвинению, т.е. был ли факт преступления; 2) виновен ли подсудимый. Статья 811 Устава уголовного судопроизводства предписывала: «Решение каждого вопроса должно состоять из утвердительно-го “да” или отрицательного “нет” с присовокуплением того слова, в котором заключается сущность ответа. Так, на вопросы “Совершилось ли преступление? Виновен ли подсудимый? С предумышлением ли он действовал?” утвердительные ответы должны быть: “Да, совершилось. – Да, виновен. – Да, с предумышлением”». Получив от присяжных заседателей обвинительный приговор, председатель суда просил прокурора, который поддерживал обвинение, дать свое заключение о мере наказания. Только после этого состав окружного суда (председатель и два члена) выносил приговор в окончательной форме, с указанием меры и сроков в соответствии с действующим Уложением о наказаниях. Присяжные заседатели имели право добавить в свой обвинительный вердикт слова: «Подсудимый по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения», что, безусловно, должно было учитываться судом.

Но если на второй вопрос председателя присяжные заседатели отвечали: «Нет, не виновен», то подсудимый объявлялся оправданным, какие бы улики ни приводило обвинение. А председатель суда, даже если был уверен в виновности подсудимого, обязан был исполнить приговор присяжных. Статья 819 того же Устава гласила: «По решению присяжных заседателей, оправдывающему подсудимого, председатель суда немедленно объявляет его свободным от суда и от содержания под стражей, если он состоит под арестом» [5, с. 128].

Постановка председателем суда отдельных вопросов о факте преступления и о виновности подсудимого допускала возможность возникновения юридических казусов. Присяжные заседатели могли сказать «да» на первый вопрос и подтвердить таким образом факт совершения обвиняемым преступления. Но при этом те же заседатели вполне могли ответить «нет» на второй вопрос и освободить тем самым обвиняемого от наказания. Такая особенность Устава отличала его от западноевропейского законодательства. Выше уже отмечалось, что о предпочтительности суда нравственного над формальным правом и о духовном превосходстве «правды внутренней» над «правдой внешней» настойчиво писали русские славянофилы, имевшие сильное влияние в высших сферах империи [6, с. 16–17].

Закон указывал на желательность единогласного решения присяжных заседателей. Если же достичь полного согласия не удавалось, то решение принималось голосованием. Если голоса разделялись поровну, вопрос считался решенным в пользу подсудимого. В том случае, если по единогласному мнению председателя и двух коронных судей присяжные осудили невиновного, то председатель мог передать дело на рассмотрение нового состава присяжных. Обвинительные приговоры суда присяжных обжалованию в судебной палате не подлежали. Отменить приговор присяжных в кассационном порядке мог только Сенат, если при этом были нарушены процессуальные нормы, или было допущено неправильное толкование закона, или если открылись новые обстоятельства, доказывающие невиновность осужденного. Решение Сената в этом случае публиковалось для всеобщего сведения с целью создания юридического прецедента.

Учреждение суда присяжных заседателей вытекало из еще одного нового принципа судопроизводства – состязательности судебного процесса. Поддержание обвинения поручалось прокурору окружного суда. Прокуратура, кроме того, осуществляла общий надзор за дознанием и следствием. Кроме прокуроров окружных судов, вводились должности прокуроров судебных палат. Главой всей системы прокуратуры являлся генерал-прокурор, которым по

должности был одновременно министр юстиции. Органы прокуратуры, таким образом, оставались частью общей системы государственной власти. На них принцип несменяемости судебных мест не распространялся.

Крупным новшеством судебной реформы, обеспечивавшим состязательность сторон, стало учреждение адвокатуры, в задачу которой входила защита интересов обвиняемого. Адвокаты, именовавшиеся присяжными поверенными, входили в особую самоуправляющуюся корпорацию при судебных палатах, но формально не включались в состав судебных органов. Присяжные поверенные выбирали свой совет, который контролировал прием новых членов и осуществлял надзор за деятельностью отдельных адвокатов. Судебные уставы предъявляли весьма строгие требования к должности присяжного поверенного. Ими могли быть лица не моложе 25 лет, получившие высшее юридическое образование, имевшие к тому же не менее 5 лет стажа службы по судебному ведомству или опыт соответствующей практической работы. Правда, для частных поверенных (или низшей категории адвокатов) требования были не столь высокими. Частные поверенные занимались малозначительными, главным образом, имущественными делами. Чаще всего они были ходатаями по делам различных фирм. Для получения такой должности не требовалось высшего юридического образования, достаточно было сдать экзамен в каком-либо окружном суде. В отличие от присяжных поверенных частные поверенные не могли быть защитниками в судебных процессах.

Если прокуроры являлись государственными служащими, то адвокаты были людьми свободных профессий. В этом смысле они были не зависимы от администрации, а материальное вознаграждение получали в виде гонораров за защиту подсудимых и за всевозможные ходатайства и хождения по уголовным и гражданским делам. Принцип состязательности предполагал равенство сторон в судебном процессе, поэтому у адвокатов открывались широкие возможности влиять на присяжных заседателей и добиваться оправдательных приговоров. Это способствовало быстрому росту популярности и престижа профессии адвокатов в пореформенной России. Очень скоро выделилась и приобрела большой общественный вес плеяда присяжных поверенных: П. А. Александров, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасович и др. [7, с. 11–34]. У популярных адвокатов были, естественно, очень высокие доходы.

Провозглашение принципа гласности означало, что заочные или келейные разборы судебных дел отменялись. Судебные иски могли рассматриваться только в присутствии и с участием сторон. Вводилась

публичность судебного заседания с присутствием публики и освещением в печати.

Особым образом была организована система мирового суда. Учреждение мировой юстиции было поистине крупным новшеством в практике русского правосудия. Оно сыграло положительную роль в общественной жизни страны во второй половине XIX – начале XX в. Поскольку к компетенции мирового суда были отнесены самые многочисленные, практически повседневные дела, постольку эта сторона судебной реформы касалась жизни миллионов людей. Мировые судьи должны были решать дела по имущественным искам до 500 руб., искам по оскорблениям и другим личным обидам, по часто встречающимся незначительным нарушениям общественного порядка и другим подобного рода правонарушениям, по которым закон не предусматривал наказания в виде длительного лишения свободы. Дела мировые судьи решали лично, устно и, как правило, в течение одного дня, без пугавшей людей волокиты. Упрощенная процедура предполагала, что лучшим решением судьи должно быть склонение сторон к примирению (отсюда название мирового суда). Но, если по каким-либо причинам мирного соглашения не достигалось, мировой судья имел право определить виновника и в зависимости от тяжести совершенного правонарушения наложить штраф (до 500 руб.), объявить внушение, выговор или замечание, подвергнуть аресту сроком до трех месяцев и, наконец, заключить в тюрьму сроком до одного года.

Обилие дел требовало и большого числа мировых судей. В связи с этим Уставами 1864 г. было определено, что территория каждого уезда должна составлять мировой округ. В свою очередь, мировой округ делился на мировые участки, в каждом из которых находился мировой судья. Количество мировых участков в уездах колебалось в зависимости от величины самого уезда. В Воронежской губернии, например, количество мировых судей составляло от 3 (в Коротоякском уезде) до 8 (в Богучарском). Всего в губернии было свыше 60 мировых судей. В столичных городах (Москве и Петербурге) открывались новые участки. Поскольку в России было около 600 уездов, постольку сразу же после реформы появилось около 2000 вакансий должности мирового судьи. Кроме того, в мировых округах вводились должности почетных мировых судей, не имевших своего участка, не получавших жалованья и, как правило, совмещавших судейские обязанности с другой должностью на государственной или общественной службе. Часто на должность почетного мирового судьи избирались знатные земляки, видные писатели (например, Л. Н. Толстой), военные или государственные деятели. Истец по своему желанию мог обратиться за разрешением дела как к участковому мировому судье,

так и к мировому, если по каким-то причинам не доверял первому. Обжаловать решение мирового судьи можно было во второй инстанции мирового суда – уездном съезде мировых судей, на который периодически съезжались все участковые и почетные мировые судьи уезда.

Должность мирового судьи была выборной. Как участковые, так и почетные выбирались сроком на три года на очередной сессии уездного земского собрания. Кандидат должен был быть не моложе 25 лет, иметь высшее или среднее образование или не менее 3 лет стажа в должностях, «при исправлении которых могли приобрести практические сведения о производстве судебных дел». Требовалось также, чтобы кандидат, либо его родители, либо жена имели недвижимую или движимую собственность. Избранные на уездном земском собрании мировые судьи утверждались в должности Правительствующим Сенатом. Участковому мировому судье назначалось не очень высокое, но вполне солидное по тем временам жалованье (от 1500 до 2000 руб. в год)¹.

Положение об избрании мировых судей надо признать крупным нововведением. Мировая юстиция ставилась под контроль местного общественного самоуправления (земства), что укрепляло авторитет последнего.

Просуществовала система мировых судов без особых перемен до введения в 1889 г. должности земских начальников, т.е. участковых администраторов, назначавшихся из числа потомственных дворян министром внутренних дел. Несмотря на название должности, земские начальники в состав земства не входили; они являлись коронными чиновниками низового звена. В сельской местности земским начальникам были переданы функции мировых судей [8, с. 221]. Прогрессивная общественность остро критиковала институт земских начальников. В конце концов в 1912 г. было решено восстановить в уездах должности мировых судей, однако времени для завершения этого мероприятия у российской монархии уже не осталось.

Введение в жизнь судебной реформы заняло несколько лет. Очень непросто было найти квалифицированный юридический персонал, к тому же устройство новых судебных должностей требовало немалых денег. Сразу же встал вопрос о крупном расширении юридических факультетов, на что тоже требовалось время. Кроме того, реформаторам пришлось преодолевать сопротивление консервативных сил. Ввиду этого судебная реформа, как, впрочем, и другие преобразования Александра II, несла на себе

¹ Для сравнения можно напомнить, что корова, например, стоила около 30 руб., пуд сливочного масла – 4–5 руб., фунт хлеба – 2–3 коп., а вполне приличный 5–6-комнатный частный дом в Воронеже можно было построить за 3–4 тыс. руб.

печать непоследовательности. Сохранялись некоторые устаревшие юридические учреждения. Вплоть до падения монархии в стране продолжал действовать крестьянский волостной суд, опиравшийся не на общегражданское законодательство, а на обычай. Из-за этого крестьянские взаимоотношения продолжали регулироваться патриархальным обычным правом, что являлось преградой развитию гражданственности в народной среде. Волостной суд, состоявший из самих крестьян, мог, например, приговорить односельчанина к телесному наказанию, что совершенно не допускалось официальным Уложением. Сохранялся особый суд для духовенства. Дела о политических преступлениях все чаще передавались военным судам.

И все-таки введение судебных уставов 1864 г. стало крупным событием в истории России. Был сделан крупный практический шаг в сторону культурно-правовой модернизации власти и общества. Российская монархия вступала в этап перехода от правомерного государства к правовому [9, с. 150–154]. Однако судьба такой реформы зависела от устойчивости властей. Между тем сам Александр II не всегда отдавал себе отчет в характере и смысле нововведения. Бывали случаи, когда император выражал недоумение по поводу невозможности уволить ставшего негодным судью. Так, в начале 1867 г. царь решил по докладу министра внутренних дел П. А. Валуева отрешить от должности сенатора М. Н. Любошинского за участие того в работе Петербургского земского собрания, на котором выдвигались излишне смелые политические требования. Лишь министр юстиции Д. Н. Замятнин убедил императора не делать этого, так как мог быть нарушен введенный самим царем закон. Раздраженный Александр II отступил, закона нарушать не стал, зато отправил в отставку слишком законопослушного министра.

Принцип несменяемости судебных мест вызывал раздражение и у нового министра юстиции графа К. И. Палена. Не имея возможности прямо отменить принципиальное положение уставов, он нашел сугубо бюрократическую уловку. Министр стал представлять на утверждение кандидатуры не судебных следователей, а только *исправляющих должность* судебных следователей. В этом случае закон не препятствовал увольнению негодного судейского работника.

Консервативные силы остро ощущали несовместимость новых судебных принципов с политическими традициями России. В правительственных кругах не раз возбуждался вопрос о пересмотре или даже об отмене уставов 1864 г. Особо острым нападкам подвергался суд присяжных заседателей, не раз выносивших абсолютно не приемлемые, по мнению властей, приговоры. Достаточно вспомнить оправ-

дательные приговоры по делу революционерки В. И. Засулич, совершившей покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. А. Трепова (1878 г.), или по делу об организации стачки на фабрике Морозова (1886 г.), чтобы понять причины критики новых принципов судопроизводства [6, с. 16–17].

Конечно, правовое государство и гражданское общество не возникают по указу, даже очень прогрессивному. Построенные на принципах европейского права судебные уставы 1864 г. серьезно опережали уровень развития не только государственной, но и общественной жизни России. Нормальному функционированию новых судебных учреждений мешали и косность государственных структур, и реакции общественных сил, пытавшихся использовать юридические новшества в качестве средства политической борьбы. Присяжные заседатели, оправдавшие террористический акт Засулич, безусловно, испытывали на себе давление общественных настроений и даже не догадывались, что в кругах радикальной интеллигенции их «милосердие» воспринималось как санкция на применение революционного насилия против носителей власти. Популярность террора в таких условиях могла только возрастать. Вдохновившись таким подарком суда общественной совести, революционеры-народники уже в 1878 г. организовали кампанию систематического террора против должностных лиц империи. Убийство 1 марта 1881 г. царя Александра II не было исторической случайностью. А в начале XX в. революционный террор принял в России огромный размах. Его жертвами стали тысячи чиновников, от министров до городских. Не случайно великий гуманист Ф. М. Достоевский считал, что оправдательный приговор суда присяжных свидетельствовал об остром недостатке в нашей интеллигенции и национального чувства, и исторического сознания [10, с. 250].

После введения уставов 1864 г. России предстояло решить сложнейшую задачу подъема правосознания и гражданственности как во властных структурах, так в общественных слоях. Эта задача требовала упорного и многолетнего труда при согласованных усилиях администрации и общества. Судебная реформа открывала для этого определенные возможности. Вот почему прогрессивная общественность с воодушевлением приняла новые принципы судопроизводства, связывая с ними надежду на великое дело гражданского обновления России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянская реформа в России 1861 года : сб. законодательных актов. – М., 1954.
2. *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 года в России / М. Г. Коротких. – Воронеж, 1994.

3. Ранние славянофилы : А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. – М., 1910.
4. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. – М., 1988.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М., 1991. – Т. 8.
6. Суд присяжных в России : громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. – Л., 1991.
7. Троицкий Н. А. Корифеи российской адвокатуры / Н. А. Троицкий. – М., 2006.
8. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. – М., 1970.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999. – Т. 2.
10. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881 / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 1984. – Т. 27.

Воронежский государственный университет

Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России

E-mail: m-karpach@mail.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Russian History Department

E-mail: m-karpach@mail.ru

Tel.: 8 (473) 224-75-14